

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

(По телеграфу). 1 августа открылся первый съезд советских писателей Армянской Республики...

ЛЕНИНГРАД, 29 июля. (Наш корр.). Сегодня в Ленинград приехал Герберт Уэллс с сыном. На вокзале Уэллса встречали писатели А. Толстой, К. Федин, Н. Тихонов, С. Семенов и др. заведующий т. Рафаил и представители печати. Г. Уэллс проведет в Ленинграде 4 дня, после чего вылетает в г. Таллин (Эстония).

Литературная газета

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

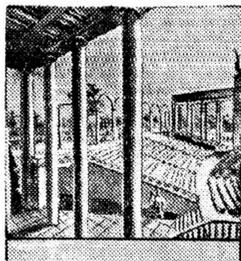
МОД. РЕДАКЦИОН. В. ВАГРИКОМ. А. ВОЛОТНИКОВА. М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕВЕРЯНОВСКОГО, И. СЕВЕРЯНСКОГО, М. СУВОЛКО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, В. ШИШКИНА.

№ 96 (412)

30 ИЮЛЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ПОСЛЕДНИЙ ФОТО

В Доме архитектора 28 июля состоялся просмотр выставки проектов новых зданий. На выставке представлена работа акад. Фомина — театр в Ашхабаде и четыре проекта акад. Шусева: институт им. Сталина в Тифлисе, театры в Ташкенте и Ашхабаде, библиотека в Ташкенте. НА СНИМКЕ: проект Госуд. театра Туркменской ССР в Ашхабаде работы акад. архитек. И. А. Фомина и арх. М. А. Минкус.

„НЕЛЬЗЯ ВЫРВАТЬСЯ ИЗ АДА ВОИНЫ

ИНАЧЕ, КАК БОЛЬШЕВИСТСКОЙ БОРЬБОЙ И БОЛЬШЕВИСТСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ“ (Ленин)

ЛИТЕРАТУРА И ВОЙНА

ПИСАТЕЛИ И ВОЙНА

Рис. Фрэда Элласа

ПРЕВРАТИМ ВОЙНУ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ — В ВОЙНУ ГРАЖДАНСКУЮ.

Двадцать лет, прошедшие со дня начала империалистической войны, были весьма знаменательными годами в истории развития мировой литературы и в частности развития литературы о войне.

после нее. И в качестве этого введения трактовалась с достаточным пониманием причины, ее вызвавших, и классового их существа.

Что касается пяти шестых мира, то там после патристического угара первых лет мировой войны и краткого периода послевоенного просветления наступило отчаяние, оказавшее весьма трагическим.

Разумеется, эта литература не утопические размышления о будущей войне, беспомощные в своем жасе перед нею и бездарные в попытках ее вызвать и оправдать.

В описании батальных сцен и ситуаций было достигнуто совершенство, о котором не могли и мечтать предшественники нынешних военных писателей.

Здесь наши писатели сделали много, но еще больше им следует предостеречь. Еще более глубоким должен быть анализ империалистических армий, еще более совершенным должно быть умение подмечать классовое расщепление, которое их раздирает.

Но в то время как писатели-революционеры (Барбюс, Ренн, Бехер и др.) сумели понять причины, породившие войну, и активно с ней боролись, мелкобуржуазные пацифисты были беспомощны в своем стремлении помешать ей возобновиться.

Здесь наши писатели сделали много, но еще больше им следует предостеречь. Еще более глубоким должен быть анализ империалистических армий, еще более совершенным должно быть умение подмечать классовое расщепление, которое их раздирает.

Наряду с этими писателями мы знаем целый ряд писателей воинствующего империализма, призывающих к новой войне.

Итак же напряженно творчески и упорно учатся защищать первую в мире родину всех трудящихся, люди, из которых состоит первая в мире армия пролетариата.

Не так было у нас. Об империалистической войне было написано немного. Там же, где о ней писали, она в большинстве случаев была введением к событиям, совершившимся

Итак же напряженно творчески и упорно учатся защищать первую в мире родину всех трудящихся, люди, из которых состоит первая в мире армия пролетариата.

СОЗДАНИЕ ЛИТФОНДА

Публикуемое сегодня постановление правительства об организации «Литературного фонда Союза ССР» является документом важнейшего литературно-политического значения.

Решение Совнаркома СССР о создании Литературного фонда предусматривает необходимость оказания помощи РАСТУЩИМ писательским кадрам путем создания для них необходимых материально-бытовых условий.

Создание «Литературного фонда Союза советских писателей» с такой мощной финансово-экономической базой, как это предусмотрено постановлением Совнаркома СССР, создает все необходимые материальные, культурно-бытовые условия для творческой работы советского писателя.

Перед Оргкомитетом Союза советских писателей стоит задача создать такой состав правления Литфонда, который в материально-бытовом культурном обслуживании членов Союза писателей исходил бы из принципов ТВОРЧЕСКИХ. Это значит, что в правлении Литфонда должны быть такие писатели, которые смогли бы в основном правильно определить необходимость материальных затрат на того или иного молодого растущего писателя.

ЗАВТРА НАШ ДОЛГ

Книги о войне писались с ответственностью в прошлое. Вне зависимости от того, осуждали ли войну или разжигали ее. Во Франции такая книга как «Комедия Шарлеруа» Дриле ля Рошеля заканчивает собой, очевидно, цикл книг о войне, обращенных в прошлое: она подводит некий итог военной литературе.

20 лет исполняется с того дня, когда империалисты всех стран ввергли человечество в ужасы почти четырехлетней войны. Миллионы убитых, миллионы изувеченных, невообразимые страдания и мучения принесла с собой империалистическая война.

О ЛИТЕРАТУРНОМ ФОНДЕ СОЮЗА ССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР

- 1. Образовать при Союзе советских писателей Союза ССР особую организацию помощи работникам литературы под наименованием «Литературный фонд Союза ССР». 2. «Литературный фонд Союза ССР» имеет основной своей задачей содействие членам Союза советских писателей СССР путем улучшения их культурно-бытового обслуживания и материального положения, а также оказание помощи растущим писательским кадрам путем создания для них необходимых материально-бытовых условий. 3. Руководство деятельностью «Литературного фонда Союза ССР» осуществляется правлением его, которое назначается правлением Союза советских писателей Союза ССР. 4. Средства «Литературного фонда Союза ССР» образуются: а) из производимых издательствами художественной литературы и редакциями журналов взносов в размере, равном 10 процентом суммы авторского гонорара, выплаченного за оригинальные и переводные художественно-литературные произведения; б) из производимых зрелищными предприятиями отчислений от валового сбора со спектаклей (поспектакльные отчисления) в размере 2 проц. со спектаклей большой сцены и 1/2 проц. с постановок малых форм (сметки, одноактные водевили и пр.); в) из специальных взносов членов Союза советских писателей в размере, определяемом уставом Союза; г) из доходов от имущества и капиталов, принадлежащих «Литературному фонду Союза ССР»; д) из сумм, ежегодно ассигнуемых по государственному бюджету СССР в размере 25 проц. от общей суммы поступлений в «Литературный фонд СССР» из других источников. 5. «Литературный фонд Союза ССР» пользуется правами юридического лица. 6. Устав «Литературного фонда Союза ССР» утверждается Советом Народных Комиссаров Союза ССР по представлению правления Союза советских писателей Союза ССР. ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР В. МОЛотов. УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР И. МИРОШНИКОВ. Москва, Кремль, 28 июля 1934 г. Совнарком Союза ССР постановил: ассигновать на 1934 г. один миллион руб. «Литературный фонд СССР» (ТАСС).

ЭТО ПОСЛУЖИТ ОТВЕТОМ

Утро первого июля 1916 г. Мы бросили якорь в Вильгельмстаде у самого входа. Мимо нас проплыл судя флотилия, возвращающейся после боя в Скагерраке. — Судя с простреленными трубами, помятыми корпусами, обгоревшими, покрытыми черной сажей, орудийными башнями. Судя аскары броненосцев бросили якоря за нами, плывущими в длинной ряд. Ближайшим судном был «Дельфингер». Були в серой тьме той одежде были уже за работой. Они перетаскивали на палубу из казематов, кают и топков трупы своих товарищей. Трупов было много. Палуба судна была недостаточно велика, чтобы уместить их в ряд; их свалили друг на дружку. Через несколько часов таскания и пынств на передней палубе «Дельфингера» образовалась целая гора трупов: из груды тела густая коричневая глина.

ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД..

Когда вспыхнула мировая война, мне было 30 лет: «высоко-образованный» буржуазный интеллигент, который раньше знал мировую историю и «только» о существе истории чешского процесса, о полных при чинах войн не имел ни малейшего представления. С ужасом воспринял я мировую войну, относился к ней как к «взрыву человеческой глупости и жестокости». В первый же день объявления войны я записал в своем дневнике: «Война — это пьяная свадьба, где и трезвые вовлекаются в пляску».

Утраппа был подан сигнал. На борт вошел высокопоставленный офицер. Это был адмирал, везший в бой аскару. Являлся унтер-офицеры с 30 кули и отдал приказ накрыть мертвых большими подотными парусов. Когда адмирал вошел на палубу, от трупов не осталось и следа. Это был маленький человек с седловатыми порчатыми усами: он пошел к полотнощу. Он взобрался на мякуню, позатавную гуду. — неогляну споткнулся. Он остановился и оглядел суда: помятые корпуса, обуглившиеся орудийные баши и разрушенные бойницы. Он приказал показать каждому пробию, каждый след азиатских снарядов. Но он ни разу не приказал поднять полотнища, чтобы бросить взгляд на мертвецов, которые только спрятались по его приказу и пади за его убеждения.

С этой точки зрения я и начал писать против войны, но пенура, конечно, моих рукописей не пропустила. По мере развития войны я превращался в прого напифиста, который лезть в стены по поводу мировой войны, хальне извещательств над войной и ее организаторами не шел. Я не подозревал тогда, что существует рабочий класс, рабочее движение Слова «классовая борьба» была для меня, как и все прочие слова, лишь какими-то обычными частями словаря.

Буржуазия в период своей агонии передвигает защиту своих интересов фашистским палачам и убийцам. ведет последнюю жестокую наступление на пролетариат и вооружается для империалистической, интервенционистской войны против единственной страны мира и социалистического строительства — против Советского Союза.

Теперь, когда я оглядываюсь назад, все это кажется мне почти невероятным. Но мы должны знать, что этот же процесс, хотя бы и в иных формах, протекает в сотнях тысяч лет, в миллионах голов во всех капиталистических странах. За об ственного опыта я знаю, что для того, чтобы пробудить к активной деятельности против войны сознание только разоблачения войны, это только показав в условиях пролетариата. Тысячратно познав и зная Ленинский слог, том что необходимо вскрыть первопричины войны, те экономические и классовые взаимоотношения, которые в условиях капитализма неизбежно ведут к войне. Только следуя этому марксистскому принципу, мы можем завоевать активные антиимпериалистические и в коммунистической среде. Связь между капитализмом и войной (в настоящее время между фашизмом и войной), с одной стороны, а с другой — связь между социализмом и делом мира, иначе говоря, связь между пролетарской революцией, гражданской войной и делом мира, представляется себе выраженные в ярком историческом примере — Советском Союзе, — должна быть показана всеми средствами политической, художественной и научной пропаганды. Этот рецент покажется, быть может, несколько сухим, однако, великая задача именно в том, чтобы все, что делается согласно этому реценту было не сухим, трафаретным «схематическим, а исключительно конкретным, живым, подлинным себе красноречиво убеждающим и ответственным

Перед нами, писателями, великая задача — разоблачить империалистические планы, вскрыть перед пролетариатом ее преступные намерения, рассеять, как нам завещал Ленин, тайну рождения войны и воулучшить международный пролетариат на борьбу за пролетарскую революцию, за пролетарскую диктатуру, за великий благородный социалистический Советский Союз.

В двадцатый раз отмечаем мы дату возникновения мировой войны. И в двадцатый же раз отмечаем мы и день, когда Карл Либкнехт единственной сказал свое мужественное «нет» в германском рейстаге. В двадцатый раз отмечаем мы день, когда большевики под гениальным руководством Ленина выбросили лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую.

В этом ленинском лозунге мы должны продолжать свою работу и в дальнейшем. Долой империалистическую войну! Долой угнетателей и эксплоататоров! Повернуть оружие!

И это будет одновременно ответом и десяти тысячам мертвецов Скагеррака, десяти миллионам мертвецов на фронте, десяти миллионам мертвецов ближнего тыла, тридцати миллионам мертвецов мировой войны.

В двадцатый раз отмечаем мы дату возникновения мировой войны. И в двадцатый же раз отмечаем мы и день, когда Карл Либкнехт единственной сказал свое мужественное «нет» в германском рейстаге. В двадцатый раз отмечаем мы день, когда большевики под гениальным руководством Ленина выбросили лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую.

И это будет одновременно ответом и десяти тысячам мертвецов Скагеррака, десяти миллионам мертвецов на фронте, десяти миллионам мертвецов ближнего тыла, тридцати миллионам мертвецов мировой войны.

ПОСЛЕДНИИ РЕШИТЕЛЬНЫИ

И вот прошло двадцать лет. Весь аппарат капиталистического государства — церковь, школа, армия, искусство — был буржуазней правая, и не без успеха, на помощь, чтобы попытаться оправдать и возвысить мировую войну в глазах подрастающей молодежи. Никакая лозь не казалась для этого слишком низкой, никакая патристическая фраза — слишком глупой, никакая фальсификация истории — слишком пошлой и неуклюжей. Буржуазия не осмелилась говорить правду. Она всецело «мистического» смысла этой войны для того, чтобы всякими красивыми лозунгами «долг», «вера», «героическая смерть», «отечество», скрыть от масс подлинную ее суть. Ренегаты и предатели она завербовала в качестве своих политиков, фразеров — в качестве своих поэтов, которым дала заказ отвлечь массы от реальной действительности путем героической или вялительской интерпретации массовых убийств. Таким образом, они в точности

Но бывают жертвы оправдания. Когда еще раз прозвучит «на последний решительный», мы будем знать, за что мы боремся и, если это нужно, умрем. Никто из нас не придет в замешательство, когда нас спросят, во имя чего мы взяли оружие в руки. Мы не будем смотреть правде в глаза: мы ее ищем! Мы знаем, что война — это нечто иное, не похожее на героические легенды, изобретаемые буржуазией. Боевая действительность нас тем меньше пугает, чем лучше мы ее знаем. Мы больше не пойдем в бой с патристическими песнями на устах. Но мы создаем теперь одно: мы должны выиграть этот последний бой, эту последнюю войну против капиталистических хищников, против власти помещиков и эксплоататоров, войну за новый общественный порядок, стоидый жертв. Мы знаем, что эту «справедливую» во всех войн», войну гражданскую, нам еще придется вести. Наше сознание делает нас непоколебимыми. Мы победили!

Альфред КАНТОРОВИЧ

МЫ СЛИК С'ЕЗДУ

МАРИЭТТА ШАГИНЯ

Каждый с'езд, а наш врят ли чем отличается от других, есть как бы «спячка в двух действиях».

Отсюда: вовлекать большее число писателей в организационную работу, оторвать их от непосредственной, значит обескураживать свежесте, поддерживать и непосредственность выступлений с мест.

Недостаточная проанализированность того, как именно готовится к с'езду, как писателей привлечь к организационной работе, а кому оставить «голос с места».

Нет инструмента в оркестре, который не звучал бы у талантливого инструменталиста, в этом и заключается умение мыслить симфонически, «мыслить оркестром», т. е. знать тембр и диапазон, свойства и пределы, роль и назначение каждого инструмента.

Иван Катаев. Он был на МТС и работал в политотделе: работа партийца-писателя над материалом имеет особые черты, черты власти в самом материале, а воля в него «по партийной линии».

ВСТРЕЧА КУЛЬТУР

О ПОВЕСТИ ИВ. КАТАЕВА «ВСТРЕЧА»

Удале в своей «Борьбе миров» ардо провозит тот принцип, что мир высокой культуры может только побороть и разрушить мир культуры низшей. Но так как еще интуитивная философия учила, что нет вещи самой высокой и самой низшей, то оказывается, что иншая культура неустойчива, и в этой вечной борьбе миров нет победителя, а есть лишь неизменный цикл борьбы и уничтожения.

Спрашивается, меньше ли наше дело, чем животноводство или элек- тротрансбаче? Нет, не меньше. Есть ли у нас люди, самоотверженно по- сложенные своим делом? Есть. Мо- гут ли они рассказать о нем, как- бы со своего места и так, чтобы всей стране интересно было послу- шать? Конечно, могут. Задача с'ез- да и состоит в том, чтобы мы, пи- сатели, заговорили не потому, что от нас это требуется «повесткой дня», а чтобы мы, писатели, погово- рили о самом нужном и существен- ном в нашей работе, каждый со сво- его участка в ней. Опыт, и всеоб- щий опыт, есть у каждого. Уточ- но на нескольких примерах. Вот Бруно Ясенский — европейский худ- ожник, учившийся на сюжетном евро- пейском романе, на условности, приподнятости, формализме языка.

Вот Зощенко. Он с головой ушел в историю, в древнейшие аяндалы, библиотечную пыль для своей «Го- лубой птицы». Он совершенно по- ному прочитывает факты, известные всем из учебников, и подает их так свежо, в таких комментариях, что не- волю дивнись от неожиданности, неужто человечеству раньше не при- ходило в голову посмотреть на них под таким углом зрения? Разве рас- сказ Зощенко о советско-американ- ской методике чтения истории — не новость для нас и разве его опыт похода к старому материалу с точ- кой зрения современного советского читателя — не целая Америка для писателей иностранных?

Иван Катаев. Он был на МТС и работал в политотделе: работа партийца-писателя над материалом имеет особые черты, черты власти в самом материале, а воля в него «по партийной линии».

В этой классовой борьбе «миров» борьба города с деревней итради и играет ее последнюю роль.

Веками прогрессивная культура города и военной, ступенчатый быт деревни, который Маркс так удачно на- звал «диалогизмом деревенской жи- зни», выработала два несомненных человеческих типа: горожанина и му- жика. В разном различии этих типов, чернота иногда — как в случае мягокобуржуазных масс — на клас- совую общность интересов, отража- ющих между городом и деревней, про- клятие разделения труда на умст- венный и физический.

И хотя оба эти мира — город и деревня — и их обитатели — горо- жанин и мужик — жили (и живут еще) в тесной производственной за- висимости, ежедневно сталкиваясь и встречаясь друг с другом, — однако, как город, так и деревня представляли свой особый, замкну- тый мир культуры, отведенный ки- тайской стеной один от другого.

ста, зип Bleistift («К карандаш», в точном переводе) как говорят немцы, или «на стол», как говорим мы.

Не помню всех фольклорные штампы анкетного порядка о том, как проходили дискуссии и у кого какой уклон, — по флагам таких выступлений заговорят старые, за- материальные «группировщики» всех национальностей. Под эти флаги

Что характерно для советской ли- тературы и отличает ее от всякой другой? Прямая связь литературы с жизнью и строительство, оператив- ная роль художественной книги в работе масс. Что характерно для совет- ского писателя и отличает его от всякого другого писателя? Прямое и непосредственное участие в строи- тельстве социализма. У каждого из нас оно есть или было. В той или иной степени все мы фронтные люди. А те, кто сейчас не на фронте, «спрапортишки записки» Наши кни- ги корчат, как хлеб, дерутся, как штык, орут, как инструмент, и когда наши книги падают, то их де- фектистность — от их непродуман- сти к этой боевой цели. Поэтому нуж- но, чтобы каждый из нас сумел на с'езде заговорить «от станка», «от своего рабочего места», загово- рит о том, как его работа является с делом и работой всей страны (или вылезает или будет вылезать), и чем именно профессионально обогатил и обогатит его такой советский стиль создания книги. Уверена, что ста- вить себе эту задачу — значит обя- зательно упомянуть «свой» тон и не только абсолютно гарантировать с'езд от уверений в «ложной груп- повинке», но и создать чистое и де- ловое настроение, при котором груп- повинка действительно неживется.

Нас, советских писателей, часто ругали и ругают за так называемое «составление литературы от жизни».

Таковыми знакомыми и повятными каждому интеллектуальному работ- нику нашей страны штрихами Катаев сразу берет живой образ своего героя. Катаев — умный и культур- ный человек, сосредоточивший в себе типические черты героя на- шего времени. Резолютивно, но со- вершено правильно вскрыл Катаев противоречия издательства «Ака- демия», роскошные книги которого вошли в быт нашей интеллигенции, но которые тем не менее страдают коренным пороком. «Академия» дей- ствительно мало читает, так как по- идее это библиотека серьезных, по преимуществу классических книг или книг, стоящих на грани науки и литературы. Но парадное название делает какою-нибудь «Тутти-Нам» — образцы из всего лучшего мно- гообразия общественной жизни един- ственный реальный поток...

Особенно хорошо удалась Ив. Катаеву начало повести — изображе- ние нашей городской культуры, замечательное своеобразие «жизни нашей жизни».

Важный работник большого города (и особенно москвич) с великим ин- тересом и полемикой прочтет и пере- читает первую главу.

ветский гражданин не находит ни- чего «громче», а, наоборот, у авто- ра голос тише и лучше, чем жизнь, начинается попреки и разговоры, начинается (всеми разумеется) об- винение в отставании, в недостаточ- ной культуре автора, в незнании переходных научных идей, недостаточ- ности охвата всего того, что в жи- зни происходит, и выливается в при- мер людей эпохи Возрождения. Леонардо, Дюрер, Микеланджело. Я давно хотела опротестовать это об- винение. Оно неверно, несправедливо, неправильно. Никогда и никакое искусство не отражало и не могло отразить всего об- ъема фактов, вос- принимаемых чело- веком в бурные эпохи больших пе- реворотов, просто потому, что иску- ство есть строгий и жесткий отбор действительного, строгая и жесткая мера качественности.

Все, что в искусстве сверх меры нарушает предел условности: все, что слишком кричит и неистит, есть симптом упадка художественной энергии, упадка способности оформ- лять и организовывать. Это эпохи барокко, деканза, излишеств алек- сандринского периода, александрия. Если бы родился среза нас безумец, пытающийся дать «во весь голос» советские дела и дни, он сорвался бы в риторику, если не хуже. Вернее чутье прощалоющего, не «оставая», а как раз легкий шаг с ним рилом, заставлял художника заби- рать и отображать такие процессы, которые имеют димное течение во времени, начиная не сегодня и конча- юсь не завтра и необходимо нуж- даются в том, чтобы быть художе- ственно осознанными и воплощенны- ми. Вы требуете от искусства тепле- ты и треска, того, чтобы оно воспе- ло короткий миг чего-нибудь героиче- ского взлета? Но революция сделана не в стране бабочек. Не мотыльки строят социализм. Революция сдела- на в стране с многомиллионным, бесконечно отсталым, неграмотным, местами дикарски темными крестьян- ством, в стране порабожденных на- ций, в стране с преобладающим мел- кой буржуазией. Как бы ата страна ни выдвигалась, падая на «колесо истории», она состоит из ста тысяч миллионов живых людей, раз- личающихся и развивающихся непра- вильно медленнее, чем создаваемые ими вещи. И вот искусство наше, якобы «составление от жизни», пы- тается передать и запечатлеть эти глубокие процессы изменения лю- дей, и в сущности это и есть основ- ная тема советской литературы. В этом отношении любая революцион- ная романтика капиталистических стран как будто забывает залпте нас и кричит громче нас, но это оптиче- ский обман истории, своего рода пе- тарда, потому что после революция, когда страна окажется на сознатель-

ном этапе, лицом к лицу со своими крестьянскими и мелкобуржуазными массами,—она потребует от своих художников разраза глубже, учета реальных процессов, сейсмографиче- ской четкости и чуткости. И мы уви- дим, как революционная романтика наших товарищей заменится глубин- ными исканиями реалистических пу- тей.

Таковы знакомыми и повятными каждому интеллектуальному работ- нику нашей страны штрихами Катаев сразу берет живой образ своего героя. Катаев — умный и культур- ный человек, сосредоточивший в себе типические черты героя на- шего времени. Резолютивно, но со- вершено правильно вскрыл Катаев противоречия издательства «Ака- демия», роскошные книги которого вошли в быт нашей интеллигенции, но которые тем не менее страдают коренным пороком. «Академия» дей- ствительно мало читает, так как по- идее это библиотека серьезных, по преимуществу классических книг или книг, стоящих на грани науки и литературы. Но парадное название делает какою-нибудь «Тутти-Нам» — образцы из всего лучшего мно- гообразия общественной жизни един- ственный реальный поток...

самом процессе нашей литературной работы. Отсюда, разумеется, и неко- торое неизбежное сужение верху- шечных тенденций роста в сторону «железа с массой», с читателем уже и того, что имеем. Выразив языкком графики, мы все пошам сейчас на выравнивание кривой. Это надо помнить, когда требуют от худож- ника универсальных знаний эпохи Во- зрождения.

И все же, за вычетом сказанного, мы не такие уж невежды, как аттестует нас критик Рожков устами Сейфуллиной и Леопова. Маленький, но замечательный пример: перепо- мню лежат рукописи молодого по- еты И. Семенова о знаменитой бы- лине про Миклу Селяниновича и Волгу Святославовича. И Семенов — отнюдь не филолог. Он — поэт и инструктор физкультуры. А былина окружена целым лесом ученых дис- толкований виднейших профессоров, она вошла в культурный оборот сла- вофилистов, в арсенал нарочников и романтиков. В этой былинке, как известно, Микла Селянинович пред- ложил богатырю Волге и его дру- жине «вытянуть сошку» и никто не вытянул, а Микла вала «за и поднял ее одной рукой. Ученые филологи и сдлали Миклу символом могучей «черноземной силы», и так было де- сятлетия, так было до сих пор. А был неуныный советский поэт-физ- культник вырезал разрозил все ве- стую ученость, и разбил неоспорим- сь с легкостью подчас мяча в во- ллейболе. Он разобрал, как танцует со- ху Волга и дружина («за бужди, дружка руками»), а так танцует, а- значит еще сильнее запихивать сошку в землю. И разобрал, как твуд Мик- ла («одной ручкой»), т. е. за пре- калянку между омежками), и он долго подпал сошку с землей. Иначе сказать: ученые целый век муштри- ли и солавали символику там, где по- лее не сильной мерились, а «проспе- нивался над барским неумеренно- м разор-спец Миклу... технический ма- стер, попятный каждому пахарю» (цитирую И. Семенова). Вот оно что: высокое «вежество» — от незнания сохи и технического процесса рабо- ты ею — создало огромную живо- сти и неверности символ. А юное со- ветское «невежество» благодаря зна- нию сохи и ее частей сумело сразу распознать ошибку филологов. Статья поэта Семенова блестящая и проста, как свет дневной. Кое-что она говорит и нам, а именно: мы обрастаем уже своим культурой, своим универсальным багажом, какого не знали Тургенев и Бальзак. Мы со- лича на язык, волю и невольное, учимся технике, мы учимся эконо- мике, и во все наши поры пропихи- вает та наука (Платон считал ее «высшей»), которая именуется поли- тикой; и мы уже не очень негра- мотны в ней. А ведь на Западе до сих пор образованный художник гор- дится аполитичностью!

Я пишу это не для того, чтобы «мобилизовать художника. Отнюдь! Нам надо учиться, как никому дру- го и мы будем учиться, как при- мот другой! Но прибавляется, болеть «унижением паце гордости», забы- вать, чего мы добились, — это тоже демобилизация, и взлобок худшая, потому что она внушает нам живую нетребовательность к себе и по- зорное неверие в свои силы.

Ветер налетел с порохом и плеском, повсвистывая в антеннах, уносился дальше. Нерв- ность, тревога сквозили в движени- ях и звуках весны, поспеть бы, по- спеть бы». Спокойно и важно гулял корпус Трехгорск, многоэтажные новостройки и террасы, нечаянно- шие на их фоне засухатые холмики старой Пресни. «Это было сейчас, это была другая, живая, действую- щая мимика века, — там, в эта- жих, укладывались спать, пили чай, читали пол зеленой лампой, играли на мажолле, обнимались, — раз- кие тени проходили по занавескам». И вот от настоящей, живой минуты — реалистичной и естественной, чем сон Или Обломова,—протянулись верени- цы воспоминаний. Перед глазами возникла прекрасная героическая жизнь, и жаль только, что писатель неизвестно ради чего сжал снова до привлекательной для глаза библио- фила и он приобретает ее (часть по- била). Увы, «Тутти-Нам» чита- тельно интересующегося культурой старого Востока. Или вот двухтомник русских сказок «Академия». Издание филолога — дело научное и потому требует соответствующей работы по- отбору и теоретическому аппарату. Но издательство вяло куде на него срежнее и в результате двухтомник сказок не пригоден ни для научного работника (неполнота и случайность материала), ни для рядового читате- ля (слишком много голого фольклора). Однако Катаев не только ук- лонился. Он герой нашей великой ре- волюции, сосредоточивший в себе всю логику, все ее богатые пережива- ния и чувства. Его биография про- ходит в воспоминаниях о славно по- житых годах. В воспоминаниях впе- чатана сложная и пельная психика Катаманова.

Катаманов вышел курить на бал- кон. Перед ним открылся пейзаж очо- ной Москвы — «Мутно-красичное с ре- во города стояло в небе; за белес- ной полосою еще не вскрывшейся Москва-реки, за трубами Доржизма- вода сгвагались и расходились бе- лыи лучи прожектора. Ветер налетал с порохом и плеском, повсвистывая в антеннах, уносился дальше. Нерв- ность, тревога сквозили в движени- ях и звуках весны, поспеть бы, по- спеть бы». Спокойно и важно гулял корпус Трехгорск, многоэтажные новостройки и террасы, нечаянно- шие на их фоне засухатые холмики старой Пресни. «Это было сейчас, это была другая, живая, действую- щая мимика века, — там, в эта- жих, укладывались спать, пили чай, читали пол зеленой лампой, играли на мажолле, обнимались, — раз- кие тени проходили по занавескам». И вот от настоящей, живой минуты — реалистичной и естественной, чем сон Или Обломова,—протянулись верени- цы воспоминаний. Перед глазами возникла прекрасная героическая жизнь, и жаль только, что писатель неизвестно ради чего сжал снова до привлекательной для глаза библио- фила и он приобретает ее (часть по- била). Увы, «Тутти-Нам» чита- тельно интересующегося культурой старого Востока. Или вот двухтомник русских сказок «Академия». Издание филолога — дело научное и потому требует соответствующей работы по- отбору и теоретическому аппарату. Но издательство вяло куде на него срежнее и в результате двухтомник сказок не пригоден ни для научного работника (неполнота и случайность материала), ни для рядового читате- ля (слишком много голого фольклора). Однако Катаев не только ук- лонился. Он герой нашей великой ре- волюции, сосредоточивший в себе всю логику, все ее богатые пережива- ния и чувства. Его биография про- ходит в воспоминаниях о славно по- житых годах. В воспоминаниях впе- чатана сложная и пельная психика Катаманова.

личает от животного между прочим режь, и Киришка заговорила... у ин- терфона. Так заканчивается повесть. Кривая восхождения Киришки наме- чает совершенно законченность, при- чем автор совершенно не тенденци- озен: встреча двух разных культур показана в реальных противоречиях Киришки не сразу противопостави- лась старой Пресни. «Это было сейчас, это была другая, живая, действую- щая мимика века, — там, в эта- жих, укладывались спать, пили чай, читали пол зеленой лампой, играли на мажолле, обнимались, — раз- кие тени проходили по занавескам». И вот от настоящей, живой минуты — реалистичной и естественной, чем сон Или Обломова,—протянулись верени- цы воспоминаний. Перед глазами возникла прекрасная героическая жизнь, и жаль только, что писатель неизвестно ради чего сжал снова до привлекательной для глаза библио- фила и он приобретает ее (часть по- била). Увы, «Тутти-Нам» чита- тельно интересующегося культурой старого Востока. Или вот двухтомник русских сказок «Академия». Издание филолога — дело научное и потому требует соответствующей работы по- отбору и теоретическому аппарату. Но издательство вяло куде на него срежнее и в результате двухтомник сказок не пригоден ни для научного работника (неполнота и случайность материала), ни для рядового читате- ля (слишком много голого фольклора). Однако Катаев не только ук- лонился. Он герой нашей великой ре- волюции, сосредоточивший в себе всю логику, все ее богатые пережива- ния и чувства. Его биография про- ходит в воспоминаниях о славно по- житых годах. В воспоминаниях впе- чатана сложная и пельная психика Катаманова.

Две судьбы, две культуры. В на- ших условиях они, естественно, дол- жны встретиться, ибо социализм не может терпеть влнзности деревенской жизни Катаманов назначен начальни- ком политотдела МТС в районе, где проживала и работала — на шатко- ный валко — в колхозе Киришка Че- кмасов Снежет и его развитие ягны Ясна и развязка повести. При по- мости Катаманова Киришка, битый-по- ротый, стал человеком. Человека от-

личает от животного между прочим режь, и Киришка заговорила... у ин- терфона. Так заканчивается повесть. Кривая восхождения Киришки наме- чает совершенно законченность, при- чем автор совершенно не тенденци- озен: встреча двух разных культур показана в реальных противоречиях Киришки не сразу противопостави- лась старой Пресни. «Это было сейчас, это была другая, живая, действую- щая мимика века, — там, в эта- жих, укладывались спать, пили чай, читали пол зеленой лампой, играли на мажолле, обнимались, — раз- кие тени проходили по занавескам». И вот от настоящей, живой минуты — реалистичной и естественной, чем сон Или Обломова,—протянулись верени- цы воспоминаний. Перед глазами возникла прекрасная героическая жизнь, и жаль только, что писатель неизвестно ради чего сжал снова до привлекательной для глаза библио- фила и он приобретает ее (часть по- била). Увы, «Тутти-Нам» чита- тельно интересующегося культурой старого Востока. Или вот двухтомник русских сказок «Академия». Издание филолога — дело научное и потому требует соответствующей работы по- отбору и теоретическому аппарату. Но издательство вяло куде на него срежнее и в результате двухтомник сказок не пригоден ни для научного работника (неполнота и случайность материала), ни для рядового читате- ля (слишком много голого фольклора). Однако Катаев не только ук- лонился. Он герой нашей великой ре- волюции, сосредоточивший в себе всю логику, все ее богатые пережива- ния и чувства. Его биография про- ходит в воспоминаниях о славно по- житых годах. В воспоминаниях впе- чатана сложная и пельная психика Катаманова.

И вот жизнь Киришки Чекмасова. Со школьных лет и до наших дней она быстро проходит перед нами, как кинематографический фильм, давая четкий и ясный образ мужика. Ив. Катаев знает деревню не так, как го- род, он обстоятельное знает биогра- фию Киришки. Дать такие же гла- зобкие по обобщению языка, как в по- ве о Катаманове, он явно не может. И здесь особенно следует сделать автору упрек за скудность, за чрез- мерную сжатость. Тем более, что в деревенский материал он изображает так, что с неслабым вниманием читатель печально и поучительно читает историю неузачника Киришки с детства получившего обидное про- звание «битый поротый».

Весь миром сборника будет отпе- чатан и всеосознано с'езду писате- лей (Издательство Академии наук СССР).

ГОРЬКОВСКИМ СБОРНИК

ЛЕНИНГРАД, 28 июля (наш перр.). На-днях выйдут сигнальные экзон- плары первого горьковского сборни- ка Института русской литературы Академии наук СССР, выпускаемого к всеосознано с'езду писателей. Сборник выходит под редакцией проф. В. А. Десницкого.

Задача выпускаемого сборника, —заявляет редакция,—двоякая. С одной стороны, мы хотим положить начало ознакомлению советского чита- теля с теми документами, касающис- я жизни и деятельности М. Горь- кого, которые ему или совсем не из- вестны или малоизвестны. Даже тот сравнительно небольшой материал, который включен в первый сборник, расширяя сведения о М. Горьком (о художнике и публицисте, его от- ношениях с писателями и т. д.), дает представление о таких сторонах его деятельности, которые даже хорошо осведомленному читателю не были из- вестны (М. Горький как информатор по вопросам зарубежной жизни, М. Горький-рецензент и т. д.).

С другой стороны, мы хотели бы положить начало и широкому науч- ному изучению творческого процесса М. Горького. В сборнике сделаны только первые многоэтапные опыты текстологического изучения рукописей произведений М. Горького. Эта работа должна быть продолжена, ибо она имеет и большое учебно-по- казательное значение для литератур- ного молодняка, входя его в рабочую лабораторию большого художника.

В первом сборнике шесть отделов. Первый — забытые и неизданные произведения М. Горького, в том числе рассказы «Федор Дядим» (пабросок), «Потром» и «Как я первый раз ус- лыхал о Гарибальди», политическая сатира 1905-6 гг., публицистические статьи и хроника зарубежной жи- зни. Второй отдел сборника посвящен литературным статьям, рецензиям и отзывам, третий отдел — переписка. Здесь, между прочим, дана переписка Горького с символистами, с иностран- ными писателями (Гауптманом, Шоу), Письма Горького к писателям и кри- тикам составляют четвертый отдел. Пятый отдел — письма начинающих писателей к М. Горькому и, наоборот, последний отдел — статьи по истории текста произведений М. Горького («Весенние мелодия», «Дети солнца», «Мордовка»).

Иллюстрации к сборнику подготови- ли М. Калаушиним Редактор изда- ния — С. Балухатый Переплет и су- пер-обложка худ. М. Ушакова-Поско- чина.

Весь миром сборника будет отпе- чатан и всеосознано с'езду писате- лей (Издательство Академии наук СССР).

Ив. Катаев все это так хорошо схватил, что места повесть его чи- тается как вихорчатый философский трактат. «Ориентировка, освеще- ние, анализ, охватывающие в него (в Катаманова, А. Б.) с той же быст- ротой, с какой проливалась весна и вершила работу. Потому что нимо чего не произошло ничто, он был во всем и все в нем».

Наша социалистическая прак- тика — особая практика. Она сложна и нова, но именно в самой новизне, скажем, колхозной практике — ала- год величайшего успеха и пользы для всякого коммуниста-интеллиген- та, прошедшего даже в первый раз в город в деревню. Катаманов глубо- ко правильно рассуждает: оказав- ся и управляющим помещицкой лати- фундией, где все ушло в трагичную, мне пришлось бы туше и все рас- шивалось бы горлоом медленней. — тут же я познано, изменяю дейст- вительность самым невиданным обра- зом, и процесс активной изменения великолепно помогает познанию. — вот он где. Момент. «Да, в коп- ке копнов это было примерно то же, чему учился 15 лет: смеюло, про- думанное вмешательство в косные законы жизни, которая раньше ле- жимо и вяло текла сама по себе. Дух организации научных средств и об- ноуляющая техника, как и в геоло- ге, уже господствовал над всем и пропихал вглубь». Под иппинатив- ными руками политотделских работ- ников и их активна воспитатель по- казали социалистической переделке материал самого высокого сопротивле- ния. Встреча культур зала тот ре- зультат, который превратил гениаль- ный воспитатель нашей страны т. Ста- лин.

Во «Встрече» Ив. Катаев ми- лием поучительную, хорошую книгу о героике наших дней, где талант и метод социалистического реализма успешно соединяются для достижения высокой цели. Наши покаяния пи- сатели: превратить повесть-эскиз в большое полотно на основе все по- вото и нового опыта нашего колхоз- ного строительства.

ГДЕ СУМАСШЕДШИИ, КОТОРЫЙ РАСПОРЯЖАЕТСЯ ВОИНОЙ?

В русском переводе появился анти-военный роман «Большое стадо» молодого французского писателя Жюно Жюно. Роман Жюно среди протестов против войны, лучших на буржуазной литературе, занимает особое место.

Жюно — художник, горячо любящий жизнь. Его произведение изумляет игрой и богатством красок, тонов, запахов и звуков. Хруст хвойной шишки, ласка женщины, блестящие агенки, налитая гроздь винограда, запах садов — все это с огромной силой Жюно превращает в песнь о жизни.

Жюно — это торжество бессмысленного уничтожения жизни. Жюно не имеет с большим мастерством обличительного реализма, со всей страстностью человека, глубоко и сильно чувствующего разрыв жизни.

ПАВЛО УСЕНКО

Пограничная

На горах Памира, на склонах Хингана, В долинах Подола, Где Днепр и где Збруч, Звенят карабины, смуглеют наганы, Снайперы верные стоят возле круч.

НИКОЛАИ СИДОРЕНКО

Крылья

Вдыхая Врозравнованной мордой Банинский ветер Нефтяной земли, Готовы ринуться Вразрез тугому морду Чужие, боевые корабли.

ВОЙНА И ЕЕ БАРДЫ

В эпоху империалистической войны окончательно завершился идейно-художественный распад русской буржуазно-дворянской литературы. Империалистическая война сыграла групповую роль в развитии буржуазной литературы школами и направлениями.

КАИНОВА ПЕЧАТЬ

Еще задолго до того, как объявлена война, она уже присутствует в литературе. 1 августа 1914 г. было положено начало мировому преступлению, но уже за несколько лет до этого в литературе ощущалось ее веяние.

А. КУБИН

«Занеска кавалериста» — это тенденциозное, сознательное извращение военной действительности в интересах господствующего класса. Уме это ставит их за пределы художественного творчества.

КАИНОВА ПЕЧАТЬ

Жюно далек от социального разоблачения причин войны, от показа настоящих виновников и акту мировой реэни. Тяжелым укором художнику звучит в его же собственном романе обвинительные и угрожающие слова крестьянина Шаорана.

Еще задолго до того, как объявлена война, она уже присутствует в литературе. 1 августа 1914 г. было положено начало мировому преступлению, но уже за несколько лет до этого в литературе ощущалось ее веяние.

Основной и центральной темой для своего произведения Жюно. Таковы автор Бернер Вольфганг, Герберт Антон, Эдвин-Эрик Вингер, Рихард Эрихтер, Фридрих-Вильгельм Гейнд, Фридрих Вильхер, Эрнст Юнгер, Эрнст фон Саломон и Франц Шубеккер.

Франц ЛЕШНИЦЕР

связь между ними и национал-социалистическим гитлеровским толком. Чрезвычайно характерны те реакционные обоснования, какие они придают всякому действительно революционному действию: так, например, Гильшер.

Почему мы привели эти высказывания в литературно-критической статье? Потому что вышеупомянутый капитан Антон Мошницев не только стал впоследствии ротмистром, но и руководителем «службы по народному началу» в провинции, Германия.

«Денги, которые и передал Марло для победы были мною, частью из чужих источников: от генерального штаба Лутвина и от капитана Мошницевича из отделения 1-а верховного командования Носке».

Пожарение русской армии на фронте, крах рудных надежд «схватить» патки противника обусловливают рост мистики и увлеченности в буржуазно-дворянской поэзии. Урапатриотическая поэзия оказалась последним проявлением «отпавшим» идеологов умиротворяющего класса.

